

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ФОРМА И ПРЕДМЕТНОСТЬ ОБРАЗА*

Многочисленные замечания о связи значения и формы можно найти в литературе, в частности в описаниях зрительных эффектов при ношении оптических устройств. Так, Эймс, описывая свои впечатления от ношения анисейконических очков, вызывающих видимый наклон плоскостей, заметил, в частности, что озеро вместо того, чтобы выглядеть наклоненным своей наиболее удаленной стороной, выглядело обычным, но дальше расположенным (Ittelson, 1962). Как мы уже замечали, для трансакционалистов подобные наблюдения подразумевали проблему того, какая из возможных эквивалентных конфигураций будет воспринята. Основной механизм выбора какой-то конкретной конфигурации — это предположения. Мы уже критиковали, в общем, последний тезис трансакционалистов. Обратимся теперь вновь к псевдоскопическим трансформациям с тем, чтобы на эмпирическом уровне по крайней мере наметить существенные черты того процесса, который, как мы предполагаем, состоит в придании значения некоторому фузурованному фрагменту видимого поля и одновременной его пространственной локализации.

Перед испытуемым ставилась на полу обычная фарфоровая миска, не доверху наполненная подкрашенной жидкостью. Когда происходила трансформация воспринимаемой формы миски, жидкость оказывалась поверх вывернутой поверхности. Однако теперь это уже не было жидкостью: одни испытуемые видели желе, другие — пластмассу, третьи — "студень", иногда металл. В любом случае жидкость превращалась во что-то такое, что могло бы удержаться на выпуклой поверхности. Вместе с тем изменялись все переживаемые (как зрительно, так и незрительно) качества того, что до трансформации было жидкостью. Так, в прямом рельефе наблюдатель мог воспринимать два цвета, соответствующие двум предметам, — цвет самой миски и цвет жидкости, которая налита в миску. Однако эти два цвета передаются единым цветом одного фрагмента зрительного поля. Когда этот фрагмент служит исходным материалом для образа другого предмета — металла, пластмассы, то меняется и цвет. Вместо двух воспринимается один, соответствующий новому предмету. Возник вопрос, подчиняется ли это переозначение единому семантическому целому или для восприятия такая целостность семантических свойств не является необходимой, т. е. на некоторые воспринимаемые противоречия можно "закрывать глаза" (Столин, Петренко, 1973). С этой целью каждый из вариантов видения был оценен с помощью специально составленных семантических шкал, которые представляли из себя набор пар антонимов. Примерами таких пар могут служить оппозиции типа твердый — мягкий, густой — жидкий, гладкий — шероховатый и т. д.;

наличие каждого свойства оценивалось по четырехбалльной системе (Петренко, 1973).

Всего было выделено три типа видений: желеобразные тела (кисель, мед, студень), твердые полупрозрачные тела (стекло, янтарь, пластмасса), твердые непрозрачные тела (металлы). По каждому из типов видений только те оценки обладали низкими дисперсиями, которые относились к свойствам, могущим быть связанными в единое видение.

Можно возразить, что это лишь осознаваемое, но не воспринимаемое единство. Мы не отрицаем, что оно осознаваемо, тем не менее предполагаем, что это и перцептивное семантическое единство. В этом убеждает сам характер ответов испытуемых: так, если в процессе восприятия происходила смена видения у одного и того же испытуемого, например, он видел то лед, то студень, он так сообщал свои впечатления: "Вижу то лед — твердый и прозрачный, то студень; когда вижу лед, то по нему плавают блики, а когда холодец, то блики неподвижны, а трясется он сам". В любом случае эти опыты показывают, что семантическая структура образа обладает иерархией. Однако это исследование, конечно, не отвечает на вопрос, как соотносятся элементы зрительного поля с семантической системой, образуя собственно перцептивные единицы. Этот вопрос затрагивался в другом опыте, проведенном Петренко. В этих опытах исходным было допущение, что участки поверхности, ограниченные какими-либо контурами, в том числе и ограниченные теньвыми контурами, могут быть приравнены к элементам зрительного поля. Опыты велись в редуцированных условиях, но без применения оптических искажений. Испытуемому предъявлялся круг с отверстием, через которое был виден небольшой участок другого круга, несколько меньшего размера, и оба круга на белом однородном фоне. На малом промежуточном круге и на фоне возникали тени. Испытуемого, наблюдавшего эту фигуру через редуцирующую трубу, просили нарисовать ее после периода наблюдения так, как она, по его мнению, выглядела бы в разрезе. Оказалось, что, несмотря на отсутствие оптических искажений, восприятие пространственных отношений варьировало от испытуемого к испытуемому. И соответственно с этими вариациями изменялись пространственные координаты, значения и особенности видимых контуров. Точнее, характеристики контуров как элементов зрительного поля оставались сохраненными, поскольку экспозиция не изменялась, однако, входя в то или иное перцептивное целое, они приобретали качества, не свойственные им как элементам поля. Каждое такое перцептивное целое (Столин, 1973), если отвлечься от цветных или яркостных компонентов, представляет собой такую предметную отнесенность элемента зрительного поля, которая определяет его пространственные свойства. Работа Петренко и представляет попытку описать инвариантные пространственные характеристики, соответствующие той или иной предметной отнесенности элемента зрительного поля.

Вернемся, однако, к демонстрации миски с жидкостью. Выше мы цитировали опыт Кильпатрика с бросанием мяча в комнате Эймса. Как уже отмечалось, эти опыты показали, что недостаточно чисто словесного указания на действительные про-

* Восприятие и деятельность / Под ред. А.Н. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 186–192.

странственные отношения. Неважным оказалось и то, кто именно произвел действие — сам испытуемый или кто-то, за чьими действиями он мог наблюдать. Главное, *чтобы эти действия обнаруживали такие характеристики данного предмета, которые заставили бы субъекта по-новому организовать его зрительное поле.*

Для проверки вывода из опытов Кильпатрика мы так продолжили демонстрацию с миской. В миску с жидкостью, после того как она воспринималась трансформированно, бросался твердый предмет. При этом у большей части наблюдателей вновь происходило возвращение к восприятию прямого рельефа. Этот промежуток времени мог быть небольшим, но наблюдатель все же успевал отметить этот переход. Иногда возникала иная картина: разжимался тот участок "желе", в который непосредственно попадал предмет. Если же твердый предмет бросался в пустую миску, также воспринимаемую инвертированно по глубине, перехода к прямому восприятию, как правило, не происходило. Несколько иная модификация состояла в том, что в миску наливалась вода в тот момент, когда она воспринималась в обратном рельефе. В этой ситуации вновь либо происходил переход к прямому восприятию, либо в "перевернутой" миске появлялось как бы перцептивно подразумеваемое углубление, в которое и вливалась жидкость.

В этой демонстрации предметные взаимодействия обнаруживали такие свойства видимого предмета, которые никак не могли быть свойственны предмету реальному. Это и обуславливало опредмечивание соответствующего фрагмента поля в соответствии с логикой возможного.

Конечно, не обязательно, чтобы действие, проявляющее свойства предмета, состояло в физическом взаимодействии тел. Достаточно, оказывается, и перцептивного действия — того, что обычно называют разглядыванием, подразумевая при этом смену точек фиксации и, главное, позиций наблюдения. Очень наглядным в этом смысле является тот факт, что такое разглядывание в псевдоскоп некоторого воспринимаемого в обратном рельефе предмета, при котором наблюдатель меняет позицию наблюдения, покачиваясь и отклоняясь назад и вперед, отнюдь не ухудшает стабильность воспринимаемой картины. Наоборот, эти движения, как правило, приводят к большей стабилизации воспринимаемого обратного рельефа. С традиционной точки зрения этот факт парадоксален: казалось бы, при движениях наблюдателя самые сильные монокулярные признаки — динамические (монокулярный параллакс, изменение размеров, изменение крутизны градиента текстуры) — должны выступать против обратного рельефа. Однако никакого парадокса нет: качества зрительного поля, соответствующие этим признакам, приобрели новое значение в псевдоскопическом образе. Теперь, если изменение воспринимаемой картины не противоречит этому новому значению, то они будут только поддерживать, а не ослаблять воспринимаемую организацию.

Чтобы дифференцировать различные аспекты действия семантических факторов на восприятие пространственной формы, было введено понятие предметных норм (Столин, 1972). Под нормами понимались некоторые правила, отображающие су-

ществование предметов и выражающиеся в построении образа этих предметов. Описанная ситуация с преобразованием жидкости категоризовалась как действие "физических норм". Нижеописанная демонстрация иллюстрировала действие "геометрических норм".

На полу располагался конус из плотной "бархатной" зеленой бумаги. Рядом с конусом, хоботом к наблюдателю, ставился слоник. На спине слоника и на поверхности конуса, соединяя их, укреплялся строго параллельно полу карандаш (рис. 1, а). На пол от карандаша падала четкая тень, подчеркивающая параллельность карандаша плоскости пола. Если при восприятии через псевдоскоп конус "проваливался" в пол, то следовало ожидать, что и карандаш тем концом, который касался конуса, "уйдет" под пол, в то же время второй конец карандаша, поддерживаемый слоником, должен был бы оставаться над полом. Однако картина, открывшаяся в опытах, оказалась более сложной.

Испытуемым давалась инструкция: "смотреть через псевдоскоп и как можно подробнее рассказывать все, что видится". Затем испытуемому предъявлялся конус. Если он трансформировался, испытуемому предъявлялся слоник рядом с конусом, но карандашом они еще не соединялись. Обычно слоник никак не изменялся и не "уходил" под пол. Затем карандашом соединялась спина слоника и поверхность конуса, после чего испытуемый смотрел на это в течение 7–15 мин и рассказывал о видимой картине. По ходу опыта экспериментатор задавал иногда вопросы, фиксирующие внимание на тех или иных моментах ситуации.

В этих условиях у разных испытуемых возникали неодинаковые формы восприятия ситуации. По содержанию этих форм мы группировали их в шесть "вариантов". Каждый из этих вариантов представляет собой своеобразный "выход" из перцептивной проблемной ситуации (рис. 1).

Первый вариант мы условно обозначили как "удвоение ситуации" (рис. 1, б). В этом случае конус легко трансформируется и видится как воронка. Слоник остается на поверхности поля и не трансформируется. Карандаш там, где он находится над полом и на спине слоника, видится в реальных пространственных отношениях. Там, где карандаш касается конуса, он "уходит" под пол вместе с поверхностью конуса и как бы просвечивает через нее, т. е. видится еще ниже поверхности конуса. Часть карандаша под полом параллельна ему, но снизу, в то время как часть карандаша над полом параллельна ему сверху. Испытуемый отмечает, что карандаш "как бы обрывается там, где он находится под зеленым", т. е. над поверхностью конуса. Испытуемый видит "отдельно одну половину карандаша наверху и отдельно другую внизу, в воронке". Испытуемые также отмечали, что не могут одновременно воспринимать слоника, конус и карандаш. При попытке "схватить" ситуацию в целом у некоторых испытуемых начинались зрительные флуктуации конуса: он виделся то в прямом, то в обратном рельефе. Повидимому, мы сталкиваемся здесь с невозможностью совместить результаты отдельных фиксаций в целостный образ и, как следствие, с феноменальным существованием двух предметных ситуаций и двух зрительных (бинокулярных!) полей.

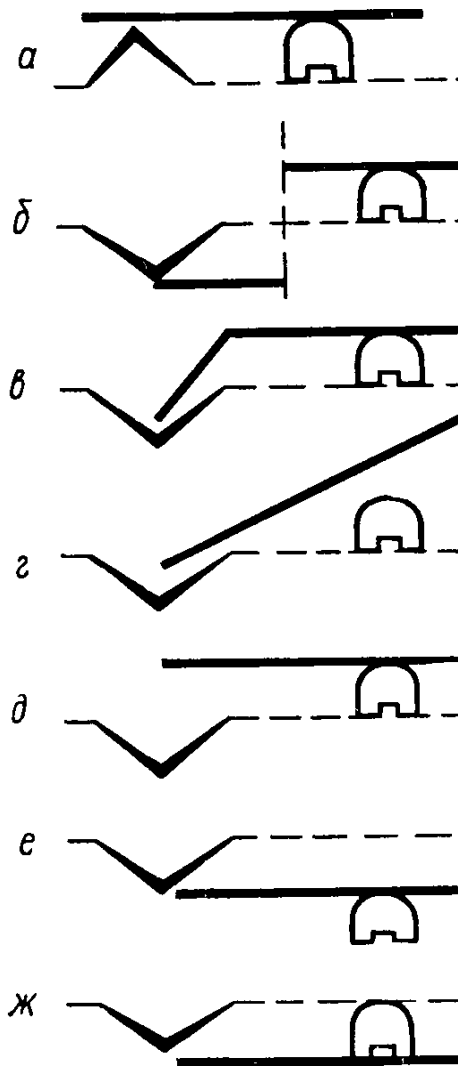

Рис. 1: а – схема исходной ситуации; б – ж – схема видения ситуации испытуемыми (по вариантам). Вариант д – условен, изобразить наклон так, как он виден испытуемым, невозможно

Второй вариант мы обозначили как "сгибание карандаша" (рис. 1, б). Испытуемые видели одновременно слоника, стоящего на полу, конус – трансформированным, карандаш – плавно изогнутым под некоторым углом там, где он находится над конусом. Характерно, что при просьбе оценить угол изгиба карандаша испытуемые оценивали его как "небольшой, незначительный", но достаточный, "чтобы коснуться поверхности конуса". Оценивая угол в градусах, называли величины, не превышающие 30°, хотя по логике картины он должен бы быть почти прямым (75–80°).

Третий вариант (рис. 1, в) условно обозначался нами как "наклон карандаша". Этот вариант отличен от предыдущего только тем, что вместо изгиба карандаша видится наклонным целиком весь карандаш. Когда внимание испытуемых обращалось на тень, они охотно признавали, что она параллельна полу, но тем не менее утверждали, что карандаш наклонен. Когда их спрашивали, как такое возможно, они спокойно признавали: "значит, это не так".

Четвертый вариант ("навес над воронкой") (рис. 1, д) состоял в том, что карандаш как бы отры-

вался от поверхности конуса и виделся в нормальных пространственных отношениях. Однако иногда испытуемые затруднялись ответить, касается ли карандаш края воронки или висит над ней.

В пятом варианте ("углубление слоника") (рис. 1, е) слоник видится под полом, но при этом спина слоника видится почти на одном уровне с вершиной воронки. Сам слоник не трансформируется.

Шестой вариант мы условно обозначили как "разрезание слоника" (рис. 1, ж). Приведем этот случай более подробно в виде описания процесса преобразования ситуации. Описание дается на примере словесного отчета одного из наших испытуемых: этот отчет в главном совпадает с отчетами других испытуемых.

Конус сразу видится как воронка, слоник – в его истинном положении. Карандаш видится то слегка наклоненным, то изогнутым. При фиксации конуса, а затем переводе взора на карандаш конус "пытается приподняться". Внезапно испытуемый начинает видеть карандаш под полом. Отношения карандаша и слоника испытуемый воспринять не успевает – слоник тоже "уходит" под пол, карандаш все еще на спине слоника. Испытуемый и на этот раз не успевает отчитаться в подробностях картины – карандаш "разрезает" спину слоника. Картина очень реальная, она обладает "изумительной устойчивостью" – даже можно видеть (несуществующие сенсорно!) стенки "выреза" в спине. Порой эта картина несколько меняется: слоник как бы становится сахарным и "подтаивает" в том месте, где сквозь него видится карандаш. При длительном разглядывании у испытуемого возникает впечатление, что хобот "пытается задраться". Если переставить слоника головой от наблюдателя – "ноги пытаются вывернуться". Но, как утверждает испытуемый, "слон все время остается слонем".

Процесс трансформации в описанном случае особенно интересен потому, что позволяет увидеть динамику перцептивного переосмысления ситуации. То, что в других случаях выступало как конечный продукт трансформации ("наклон" или "изгиб карандаша"), здесь выступает как промежуточные формы, как перцептивные пробы, в дальнейшем отбрасываемые.

Только двое (из 19) испытуемых не искали выхода из "геометрического" противоречия, "спокойно" относились к тому, что карандаш одновременно и наклонен по отношению к полу, и параллелен ему. Восприятие возникшей ситуации всеми остальными испытуемыми строилось в соответствии с объективно пространственными отношениями, что и выразилось в своеобразных "выходах" из проблемной ситуации. Каждый из остальных пяти вариантов не противоречит предметной целостности воспринимаемого: первый – за счет "удвоения" ситуации и тем самым устранения конфликта, второй – за счет иллюзорного изгиба, там, где нет четких ориентиров параллельности карандаша плоскости пола, четвертый – за счет зрительного отрыва карандаша от поверхности конуса, пятый – за счет большего "углубления" слоника, шестой – за счет "прорезания" фигурки.

Эта и предыдущие демонстрации показывают, что "семантико-логическая" регуляция действует внутри самого процесса порождения пространствен-

ного образа. Они иллюстрируют единство пространственного формообразования и опредмечивания зрительного поля. Конечно, "геометрические", "физические" и т. п. нормы — это лишь условный термин, служащий для дифференциального описания феноменологии. Прочесть истинные формулировки семантических правил, диктующих то или иное опредмечивание зрительного поля, — задача будущих исследований.